

DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-4-607-615

УДК 821.161.1

ББК 76.031

Структура автобиографического повествования в романной трилогии Н. Абгарян «Манюня»

Л.Г. Кихней¹, О.И. Осипова²

¹Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова
Российская Федерация, 111024, Москва, Шоссе Энтузиастов, 21

²Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет
Российская Федерация, 690087, Владивосток, ул. Луговая, 52Б

В статье на материале трилогии Н. Абгарян «Манюня» рассматривается повествовательная структура современного автобиографического романа. Отмечается, что автобиографический жанр в целом сохраняет постоянные признаки. К ним относятся приемы создания хронотопа, воплощения образа героя, прототипом которого является сам автор. Но трансформация жанра проявляется в изменении самой структуры повествования, в которое встраивается имплицитный диалог с читателем. Показывается, что роман отличается повествовательными экспериментами: нарратор может находиться над миром героев и вне его. Специфику повествования также обуславливает и иронический модус в романной трилогии. Доказывается, что авторская ирония не ставит целью осмеяние описываемых событий. Она относится к языковой игре, которая активно вовлекает читателя в игру смыслами и контекстами, заданными автором. Подобный стиль повествования играет большую роль в читательской перцепции и обуславливает инновационность автобиографического нарратива.

Ключевые слова: автобиография; жанр; повествование; иронический нарратив; автобиографическое время

Введение

Для литератора жанр представляет некую модель или форму, которая способствует осмыслению бытия, как внешнего, так и внутреннего. При этом жанр в сознании художника обладает устойчивостью, которая формируется благодаря ядру жанра, тому базовому компоненту, который конституирует жанр как динамическую систему. Жанрообразующим началом является авторская установка, которая предопределяет методологию и стратегию автор-

© Кихней Л.Г., Осипова О.И., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ского мышления и общения с читателем и обуславливает набор формально-содержательных признаков произведения.

В основе автобиографического жанра лежит прием мнемоники, искусства памяти, который определяет ведущие авторские установки. В автобиографии на первый план выдвигается функциональная установка, которая формирует способ общения автора с адресатом, она проявляется в том, что читатель уже на стадии названия произведения или аннотации получает имплицитное предупреждение об особой связи автора и рассказчика. Имя на обложке книги в сознании читателя автоматически приравнивается к главному действующему лицу в произведении. Интроспективная авторская установка, которая отражает авторское сознание как объект художественного отображения, в автобиографии также получает особое воплощение: перед читателем одно сознание, являющееся одновременно объектом и субъектом изображения, составляющее и ментальный, и эмоциональный центр произведения. В силу этого значимость приобретают такие компоненты произведения, как память, фрагментарность, время, пространство. Формообразующая установка диктует особый вид повествователя, который не просто входит в сферу текста и принадлежит фабульному пространству, но и является объектом рефлексии.

Об автобиографии можно сказать, что это жанр, наиболее открытый изменениям, обусловленным запросами времени и социума. Ядром данного жанра, определяющим его соответствие самому себе в разные эпохи, являются установка на подлинность рассказываемой истории, анализ прошлого субъектом, в силу чего повествование приобретает исповедальный, личностный характер.

При характеристике любого жанра не следует забывать о его динамичности. Жанр автобиографии при сохранении жанрового ядра и ключевых авторских установок в XXI веке приобретает качественно новые характеристики. На первый план выдвинулась ироническая картина мира, повлиявшая на модальность автобиографической стратегии повествования. В силу этого тональность произведения меняется, ирония – ситуативная, вербальная и драматическая – становится ведущим модусом произведения. Ирония как модус текста создается автором с целью воздействия на адресата, чтобы тот воспринял авторскую идею в максимально полной форме. Иронический модус в художественном тексте представляет собой «языковую игру, основанную на чувственно-рассудочном отстранении от объекта, возвышении над ним, соединении несоединимого, новом видении ситуации» [3. С. 129].

Обсуждение

Рассматриваемый роман Н. Абгарян является примером изменения приемов и форм описания собственной жизни в автобиографическом литературном жанре, имеющем многовековые традиции. В основном изменения касаются принципов повествования и способа выстраивания диалога с читателем.

Автор-повествователь в автобиографическом произведении выступает одновременно и как объективная сторона, автор-теург, ведущий отбор некого

круга событий своего прошлого, о которых хочет документально рассказать, и как объективный повествователь, и как субъект художественного изображения – действующий герой. В силу этого повествователь являет собой верхушку иерархии текстовых категорий: организует сюжет, композицию, хронотоп, систему героев, оказывается в центре языковой картины произведения. Это особым образом организует авторское присутствие в тексте и жанровое своеобразие произведения.

Автобиографическое повествование отличается сложной языковой структурой: с одной стороны, включает в себе язык героя воспоминаний (в случае рассматриваемого романа – язык ребенка), с другой – язык повествователя (взрослого, выражающего отношение к описываемым событиям). Герой оказывается в текстовом пространстве и как субъект воспоминаний, и как объективный повествователь, выстраивающий художественный мир. Так, объективно прожитая жизнь становится фактом литературного переживания жизненного опыта.

Еще один немаловажный аспект автобиографического жанра – неслитность времени героя рассказа и повествователя: «Между повествователем и героем существует определенный временной промежуток и пространственное расстояние. Повествователь, действующий в плане “события самого рассказывания”, в состоянии обладать преимущественно вездесущим видением, совершая временно-пространственные переходы, описывая временно-пространственные координаты дискретными или непрерывными, конкретными или отвлеченными. Правом распоряжения временем и пространством наделяет повествователя автор в соответствии с его художественным замыслом» [2. С. 467].

Рассмотрим, как эти жанровые принципы автобиографического повествования реализуются в романе Н. Абгарян «Манюня».

Функциональная авторская установка проявляется в диалоге с читателем. В аннотации находим первый пример попытки завязать диалог: здесь реализована метафора мечты об идеальном мире, она проявляется в желании автора «увидеть себя маленькой», а книга о детстве – это исполнение желания. Мы видим желание заинтересовать читателя в своей книге, убедить в уникальности данного произведения. Еще одна важная особенность повествования в романе – это обращения повествователя к читателю, в которых он объясняет свою точку зрения, вносит необходимые разъяснения либо комментирует принципы изложения: «Вот вы меня спросите, чего это я так сумбурно рассказываю... Где логика, спросите вы! Логика нет, спорить не буду. Это я так разогреваюсь, чтобы наконец поведать вам, как все на самом деле случилось. Так сказать, набираюсь храбрости» [1. С. 621]. Благодаря таким отступлениям создается иллюзия, что текст творится сиюминутно, не подвергаясь литературной обработке, перед нами поток воспоминаний, который автор, «спохватившись», прерывает, чтобы дать необходимые разъяснения.

Еще один жанровый элемент, на который необходимо обратить внимание, это принцип повествования в произведении. Если две первых книги о Манюне однородны в повествовательном плане, то третья отличается повествова-

тельными экспериментами: на смену персонифицированному повествователю, выражающему точку зрения в тексте от первого лица (я, мы), приходит aukториальный повествователь, рассказывающий о событиях, которым автобиографический повествователь не был свидетелем. Сознание героя раскрывается в присутствии в авторском повествовании несобственно-прямой речи персонажа. Отметим, что третья книга «Манюня, юбилей Ба и прочие треволнения» начинается с главы, которую повествователь строит на событиях, происходящих только с Манюней, тем самым подчеркивая тот факт, что главным действующим лицом книги о детстве автора является Манюня. В третьей книге часто меняется точка зрения повествователя: появляется ретроспективность, повествователь следит за всеми героями одновременно, ему известно больше, чем персонажам. Персонифицированный повествователь в третьей книге довольно часто уступает место aukториальному, который находится над миром персонажей и вне его, такое повествование можно наблюдать, например, в первой главе «Манюня – магистр наук, или Как банальный прострел может спасти от наказания». Интересен эксперимент, развернувшийся на последних страницах романа, где семьи показываются с точки зрения нового неожиданного персонажа Человечка Домового (повествователь вводит его в произведение как отдельную личность: «Недавно в нашей семье случилось “прибавление”» [1. С. 853]). Во время празднования нового года aukториальный повествователь приводит взгляд игрушечного Деда Мороза на героев, тем самым представляя себя, своих родных и подругу со стороны: «Высокая светленькая девочка, смешно жестикулируя, шепчет что-то пухленькой кареглазой девочке. Другая девочка, с шепотным выражением лица, перегнувшись через колени кареглазой девочки, слушает внимательно и поддакивает» [1. С. 857].

Л.М. Нюбина отмечает следующую особенность художественного времени в автобиографии: «Преломленное в тексте автобиографическое время документально, но одновременно приближается к художественному: оно обратимо, многомерно, растяжимо, эмоционально» [6. С. 115]. Прежде всего, как и в любом автобиографическом повествовании, в «Манюне» можно различать два времени: время героя событий, опирающееся на реальные факты и события жизни, так называемый жизненный хронотоп, включающий реальные имена, конкретные даты, названия; время повествователя, в котором обнаруживаются оценки, рассуждения, это время обладает всеми чертами художественного времени, такими как прерывистость, нелинейность, растяжимость. Последний тип времени надстраивается над временем героя, и реальные жизненные факты приобретают субъективную авторскую оценку: «Я счастливый человек, друзья мои. Я несколько раз сталкивалась лицом к лицу с этим стихийным бедствием и таки выстояла. Дети живучи, как тараканы» [1. С. 13], «Вы знаете, какое восхитительное печенье пекла Ба? Я больше никогда и нигде в жизни не ела такого печенья» [1. С. 20].

Художественность повествованию в романе придают описания, рассуждения, оценки и характеристики, которые расширяют время автобиографического описания: «По ходу повествования у вас может сложиться впечатление,

что Ба была вздорной, упертой и деспотичной особой. Это совсем не так. Или не совсем так» [1. С. 13], «Горы... Вы знаете, горы... Как вам объяснить, что для меня горы...» [1. С. 73].

Присутствует в повествовании и точка зрения ребенка, которая проявляется в удивлении перед некоторыми правилами жизни и стремлении понять жизнь во всей полноте, выражается в мотивах недопонимания и сомнения: «Значит, подумала я, так надо. Слово взрослого было для нас законом, и, если Ба не разрешала Мане названивать другим людям, значит, в этом был какой-то тайный, недоступный моему пониманию, но беспрекословный смысл» [1. С. 14], «Это был день, когда зерно сомнения во всеилии мужчин дало первый крохотный росток в наших неокрепших душах» [1. С. 217].

Язык героя-ребенка тоже находит отражение в повествовании. Прежде всего это записки, открытки, отражающие уровень владения языком: «Прелестное письмо» моей подруги начиналось с таинственной надписи: «Наринэ, я тебя приглашаю в субботу сего 1979 г. в три часа дня. Если можешь, возьми собой альбом с семейными фотографиями» [1. С. 15]. Устный детский язык также описан в произведении: «Вечером она улеглась спать с Человечком Домовым. Всех выгнала из спальни, крепко закрыла дверь, пела ему нежным басом про серенького войцка» [1. С. 855]. В языке повествователя часто звучат неправомерности, которые отражают речь героя-ребенка: «Вот и приходится мне изо всех сил молчать» [1. С. 856], «В школу я не пошла, горевала дома. Периодически подходила к зеркалу и кручинилась на свое отражение» [1. С. 630].

В романе «я» существует в прошлом и настоящем одновременно: все пережитое – это память, фрагменты мозаичного сюжета собираются в картину счастливого детства, в котором были радость, шалости, но главное – дружба: «Я навсегда запомнила тот июнь, и густое ночное небо над Адлером, и шумные его улочки, и дни, когда мы все были вместе и ни одному нормальному человеку не было дела до того, грузин ты, русский, еврей, украинец или армянин, и казалось, что так будет всегда и этой дружбе нет конца и края» [1. С. 310].

Сюжет строится вокруг дружбы двух девочек. События описываются от лица Наринэ, но непременно действующим лицом является Манюня. Автобиографичность повествования тем не менее очевидна: Наринэ Абгарян в интервью неоднократно рассказывала о судьбе героев повествования. «Послесловие автора» также содержит краткую справку обо всех действующих лицах: «Выросли все девочки, как ни странно, во вполне адекватных людей. Согласитесь, очень трудно представить такое по следам нашего ядерного детства» [1. С. 859].

Такая повествовательная инстанция в тексте, как объективный повествователь, является иронизирующим субъектом. «В новом литературном контексте эстетические и этические возможности иронии обогащают рассказ о субъекте, не превращая его в исторический или реалистический роман с устаревшими формами и языком» [4. С. 52–53]. Высказывание становится у автора ироничным благодаря контексту. И в этом плане мы можем говорить об ироническом нарративе как особом типе «речевого поведения, с помощью которого говорящий

выражает свое отношение (как правило, негативное) к описываемым событиям. Иронический нарратив – это тот случай, когда ирония функционирует на уровне текста, когда для ее создания привлекаются языковые средства различных языковых уровней» [7. С. 60]. Автор в романе употребляет непривычные сочетания слов, что приводит к иронической трансформации языковых единиц. Неожиданные интонации, цитаты и синтаксические конструкции обогащают речь повествователя новыми средствами выразительности. Ирония представлена в произведении многоаспектно и в разнообразных формах. Например, автор в качестве сигнала иронии использует нетипичную лексическую сочетаемость или метафорическую номинацию: «Из кабинки выпала женщина с застывшей гримасой бесконечного ужаса на лице. От нее исходил дивный аромат парфюмерной симфонии, включающей в себя бодрящие аккорды машинного масла, бензина, провонявших ботинок и папирос “Беломорканал”» [1. С.121]. Иронический эффект достигается через гиперболу в следующем примере: «Поскольку разминательница из Маринки никакая, сестра каждый божий день по двадцать восемь раз натурально меня убивает. С концами» [1. С. 724]. «Мы с Манькой елейно улыбались в ответ. Дядя Миша от наших елейных улыбок вытягивался лицом и покрывался испариной» [1. С. 842] – в данном фрагменте из-за сопоставления несопоставимого – двух противоречивых представлений о «елейной улыбке» – рождается иронический смысл.

Язык повествователя приобретает особую экспрессию при характеристике речи персонажей, которая в романе часто выступает средством раскрытия образа. Например, отец Наринэ, обладающий горским вспыльчивым характером, видит себя в зеркале после стрижки: «Воцарилась минутная тишина, а потом раздался леденящий душу вопль. Так мог орать только пронзенный охотничьим копьём вепрь. Так могла оплакивать погибшего в первобытных болотах мамонтенка его безутешная мать» [1. С. 162]. Ба описывается как женщина громогласная, несдержанная и скорая на расправу, во многом такому впечатлению способствуют сопровождающие ее речь характеристики, например: «Мария! – рвал в клочья наши барабанные перепонки грозовой рокот Ба...» [1. С. 238]. В ироническом нарративе события не просто описываются, но и получают оценку рассказчика: «Я не открою Америки, если скажу, что любая закаленная тотальным дефицитом советская женщина по навыку выживания могла оставить далеко позади батальон элитных десантников» [1. С. 315].

Также в тексте встречается ситуативная ирония, основанная на контрасте того, что происходит, и того, что ожидалось [5. С. 11]. Например, в главе «Манюня празднует Первомай» ситуация первой в районе демонстрации полна курьезных событий, виновником которых является товарищ Миносян, обладавший «двумя качествами: абсолютным самодурством и неиссякаемыми залежами воистину болезненной фантазии» [1. С. 685].

Ирония повествовательного контекста создает неповторимые особенности языковой личности автобиографического повествования. Но, несмотря на обилие иронических контекстов в романе, нельзя сказать, что повествователь имеет своей целью ироническое осмеяние описываемой истории или собы-

тий. Ирония в романе – это область языковой игры. Кроме того, иронический модус повествования во многом способствует аналитическому взгляду и на сам текст, и на описываемые события. Роман активно вовлекает читателя в эстетическую игру смыслами, нацеливая на особый вид восприятия авторского речевого поведения, обусловленного нарушением языковых норм, на креативность текста, на творческое использование языка.

Заключение

В романе «Манюня» наблюдается сохранение ядерного компонента автобиографического жанра, опирающегося на интроспективные, формообразующие и функциональные авторские установки. Но жанровая динамика, возникающая под воздействием культурно-исторических сдвигов, в романе проявляется в области языка, в том, как автор репрезентирует свой жизненный опыт. Подход к такому тексту может быть двояким: с одной стороны, приоритетной будет развлекательная функция, с другой – иронический текст нацеливает на метауровневое восприятие, при котором знак будет истолковываться в двух смыслах – буквальном и скрытом. Поиск имплицитного смысла, коим обладает иронический контекст, способствует когнитивной активности реципиента. Автор переосмысляет каноны и установки жанра: иронически повествует о детстве, которое традиционно описывалось сквозь призму воспитания и становления личности и представлялось идеализированным коррелятом действительности. Иронический тон повествования, использование разных типов иронии определяют общий иронический модус произведения, формируя критическое отношение читателя к пространству текста. Именно это отличает роман Н. Абгарян от образцов жанра классической автобиографии.

Список литературы

- [1] *Абгарян Н.Ю.* Все о Манюне. М.: АСТ, 2017. 862 с.
- [2] *Ван Цзяо.* Современная русская автобиографическая проза во временных отношениях // *Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика.* 2017. № 3. С. 466–474.
- [3] *Зинченко Н.С.* Ирония как многоаспектный феномен: методологические основы художественного дискурса // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2016. № 3–1. С. 126–130.
- [4] *Косова Ю.А.* Ироническое письмо в создании новой версии автобиографизма в трилогии Ж. Руо «Поля чести», «Знаменитые люди», «Мир не в фокусе» // *Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика.* 2014. № 2. С. 52–58.
- [5] *Лимарева Т.Ф.* Функционально-семантическая сущность иронии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1997. 19 с.
- [6] *Нюбина Л.М.* Категория времени в текстах литературной автобиографии // *Грамматика в научно-исследовательском контексте современной лингвистики: материалы научных чтений памяти проф. Л.В. Шишковой / Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена.* 2017. С. 104–116.
- [7] *Шилихина К.М.* Иронический нарратив: особенности структуры текста // *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2013. № 1. С. 59–63.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 22 сентября 2019

Дата принятия к печати: 04 октября 2019

Для цитирования:

Кихней Л.Г., Осипова О.И. Структура автобиографического повествования в романной трилогии Н. Абгарян «Манюня» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 4. С. 607–615. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-607-615>

Сведения об авторах:

Кихней Любовь Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики, Московский университет экономики и права имени А.С. Грибоедова. E-mail: lgkikhney@yandex.ru

Осипова Ольга Ивановна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой русского языка как иностранного, Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет. E-mail: fia-fa@mail.ru

Research article

The narrative structure in the N. Abgaryan trilogy “Manyunya”

Lyubov G. Kikhney¹, Olga I. Osipova²

¹Institute of International Law and Economy of A.S. Griboedov
21 Shosse Entuziastov, Moscow, 111024, Russian Federation

²Far Eastern State Technical Fisheries University
52B Lugovaya St., Vladivostok, 690087, Russian Federation

The narrative structure of a modern autobiographical novel is being studied in the article based on the N. Abgaryan trilogy “Manyunya”. It is noted that in general the above autobiographical genre retains constant features. The latter include the techniques of creation of the chronotype, creation the embodiment of the image of the character, the prototype of whom is the author of the novel. But the transformation of genre is quite evident in the structure of the narration changes, which includes the implicit dialogue with reader. It is shown that the novel is characterized by the narrative experiments: the narrator maybe both inside and outside the world of character. The specific nature of narration is also characterized by the ironic modus in the novel trilogy. It is proved that the irony of the author does not aim at mocking the described events. It refers to a language game that engages readers into this game with the meanings contexts set by the author. The mentioned style of narrative plays an important role in readership and makes the autobiographical narrative innovation.

Keywords: autobiography, genre, narrative, ironic narrative, biographical time

References

- [1] Abgaryan N.Yu. *Vsyo o Manyune*. Moscow: AST Publ., 2017. 862 p.
- [2] Van Czyao. *Sovremennaya russkaya avtobiograficheskaya proza vo vremennyh otnosheniyah* [Modern Russian autobiographical prose in temporary relations] // *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2017. No. 3. Pp. 466–474.
- [3] Zinchenko N.S. *Ironiya kak mnogoaspektnyj fenomen: metodologicheskie osnovy hudozhestvennogo diskursa* [Irony as a multidimensional phenomenon: methodological foundations of artistic discourse] // *Filologicheske nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. 2016. No. 3–1. Pp. 126–130.
- [4] Kosova Yu.A. *Ironicheskoe pis'mo v sozdanii novej versii avtobiografizma v trilogii Zh. Ruo "Polya chesti", "Znamenitye lyudi", "Mir ne v fokuse"* // *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2014. No. 2. Pp. 52–58.
- [5] Limareva T.F. *Funkcional'no-semanticheskaya sushchnost' ironii* [Functional-semantic essence of irony]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar, 1997. 19 p.
- [6] Nyubina L.M. *Kategoriya vremeni v tekstah literaturnoj avtobiografii* [Time category in literary autobiography texts] // *Grammatika v nauchno-issledovatel'skom kontekste sovremennoj lingvistiki: materialy nauchnyh chtenij pamyati prof. L.V. Shishkovej* [Grammar in the research context of modern linguistics: materials of scientific readings of memory prof. L.V. Shishkova]. 2017. Pp. 104–116.
- [7] Shilihina K.M. *Ironicheskij narrativ: osobennosti struktury teksta* [Ironic Narrative: Peculiarities of Text Structure] // *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [VSU Gazette. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2013. No. 1. Pp. 59–63.

Article history:

Received: 22 September 2019

Revised: 25 September 2019

Accepted: 04 October 2019

For citation:

Kikhney L.G., Osipova O.I. (2019). The narrative structure in the N. Abgaryan trilogy "Manyunya". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 24(4), 607–615. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-607-615>

Bio notes:

Lyubov G. Kikhney, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Journalism History and Literature, Institute of International Law and Economy of A.S. Griboedov. E-mail: lgkikhney@yandex.ru

Olga I. Osipova, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Far Eastern State Technical Fisheries University. ORCID iD: 0000-0001-6783-9378. E-mail: fia-fa@mail.ru